

Андрей Саргассов

Возвращение в Последний День Весны

Отрывок из книги

Москва
Частное издательство
«Золотое сечение»
2010

© Саргассов (Смоляков) Андрей
Леонидович, 2010
© Оформление. Частное издательство
«Золотое сечение», 2010

* * *

...На вершине горы, где в серебряном сиянии псевдо-полнолуния обозначались контуры построек монашеского уединения, что-то двинулось. Или это лишь показалось ему Сергей устало присел прямо на середине дороги, опустив голову. Хотя утомления он не чувствовал, причиной тому явилось расставание с любимой Ланой. Расставание снова на неопределенный срок. И мысли о ней, не оставляя его ни на миг, мешали думать о чем-либо другом. А в его положении более существенным, как раз было другое. Тогда Сергей решил сосредоточиться на дороге, вновь присмотревшись к вершине горы. Нет, ему не показалось; оттуда действительно спускалась, призрачная в призрачном свете небосвода, фигура инока в длиннополом плаще и балахоне. По очертаниям было заметно, что этот некто опускается не спеша, степенно, опираясь на длинный посох. Одеяния его были один в один с одеяниями Ангелов — пилотов летающей тарелки. Сотни ассоциаций промелькнули в воображении Сергея; от образа смерти с косой до расиста — куклук-склановца.

Все, что было связано с домино. Ему сделалось, не то что страшно, а скорее — жутковато. Как-то не по себе. Будто с крыши за шиворот упал ком снега; он лежит на шее холодный и еще не тает, но ты подсознательно уже знаешь, что сейчас по спине потечет струйка воды, и заранее содрогаясь. Фигура приблизилась уже на расстояние в каких-нибудь полста шагов, и Сергей, встав на одно колено, зажмурился, склонив голову и прикрыв лицо руками, словно принимая благословение или посвящение в рыцари. Он не слышал приближавшихся шагов, только чувствовал, что кто-то уже находился совсем близко.

Еще миг, и он стоял рядом. Сергей весь съежился, втянув голову в плечи. И тут почувствовал над головой протянутую длань.

— Не бойся, — прозвучал голос, который мог принадлежать только священнослужителю, — Встань и пойдем. У нас впереди не близкий путь, — он вздохнул, — Мы быстро проводим тех, кто на грани; а раз уж переступил межу, то из потока выбраться не так просто, — помолчал и добавил, — В прочем, я даже рад. Из потока выводятся лишь единицы, основная масса остается там навсегда. Теперь видишь, как сложна и длительна бывает расплата за один единственный неверный шаг.

— За неверный шаг, — повторил сам для себя Сергей и только теперь, наконец, осмелился поднять голову.

Ведь зов прозвучал, и он встал на ноги, посмотрев на того, кто явился стать его проводником. Что ж, именно таким он и ожидал его увидеть. Длиннополое домино черного цвета, широкие рукава в складках, жилистые пальцы, в которых зажат высокий посох, отполированный руками и временем до глянцевого блеска.

Балахон так надвинут на лицо, что самого лица в тени, казалось, не существовало вообще. Из этой темноты исходил только, спокойный, исполненный мудрости, голос:

— Идем, нам пора. До наступления утра мы должны достичь болота, чтобы успеть преодолеть его за день.

— Разве болото такое большое? — поинтересовался Сергей.

— Или день такой короткий, — парировал с иронией проводник, — Разницы нет, ведь для муравья и лужа — океан. А для человека лужа может оказаться гораздо больше, чем он думает.

Сергей, стряхнув оцепенение, двинулся за угрюмым силуэтом, сереющим на фоне дороги, уводящей в неведомую даль, где над горизонтом серебрилась светлая полоса. Справа и слева от дороги зияла пустошь безжизненной равнины. Если бы это была степь, то был бы слышен запах травы; если бы море, то вода отражала бы в себе блики сумрачно светящегося небосвода. Но это была даже не пустыня, от которой исходил бы зной, и поднимались микроскопические песчинки. Просто твердь. Потрескавшаяся иссушенная равнина без единой живой травинки. Чистое обиталище самой смерти. Проводник шел впереди уверенно и неколебимо. Казалось, никакая сила во Вселенной не смогла бы его остановить или преградить ему путь.

Сергей поспешал за ним, стараясь сохранять дистанцию не более двух — трех шагов. Сперва он хотел поравняться с монахом, но сколько ни пытался ускорять шаги, тот, впереди, ускорял их на столько же!

Феномен. Но Сергей уже привык к фантазмагориям и метаморфозам в этом мире чудес. Значит, так было нужно. Недаром же того, кто вел его, называют проводником. А проводник должен вести за собой, а не рядом. И Сергей покорно пристроился следом, наблюдая перед собой лишь причудливый силуэт домино. В голову неожиданно полезли какие-то мрачные мысли. Он вдруг усомнился, правильно ли поступил, отказавшись от власти над городом в Саранге. Там он был бы главным, а не брел за кем-то по угрюмой местности под застывшим небом, нависшим над пустошью. Поселился бы с Кларой во дворце, стал бы подобен тому феодальному отпрыску, что женился на кукольной Лане... Стоп! Лана!

При мысли о ней сердце Сергея сжалось мучительно — приятной болью. А стоит ли того Любовь А может, еще не поздно вернуться.. И в этот миг, выскочив на дорогу откуда-то сбоку, на него прыгнула пакостная рожа кого-то из сородичей Абоминога или Аштарофа. Рыло пятаком, глазки — угольки, пасть до ушей, рожки как у молодого козла.

Сергей, вскрикнув, рефлексивно вытянул правую руку, прикрываясь от монстра. Неожиданно у того глаза вылезли из орбит, рожа вытянулась, перекосилась, и тварь мигом ретировалась во тьму, откуда и выпрыгнула. Сергей сразу понял суть. Этой рукой он сорвал звезду власти, и она оставила на ладони священный знак. Он посмотрел на ладонь, и на мгновение его язык прилип к гортани. В центре треугольника, где находился образ «Всевидящего Ока», на его ладони...открылся третий глаз! Холодный пот так и хлынул по лбу, но нет, ему все это только померещилось. Чего же тогда так шархнулся бес, от одного образа Или ему тоже померещилось Сергей поежился и тут заметил, что, отвлекшись, он отстал от проводника на приличное расстояние. Абрис в домино едва виднелся в полутьме. Бросившись вперед, Сергей стремительно сократил дистанцию, нагнав монаха. А тот, будто был свидетелем всего произошедшего, хотя ни разу не оглянулся, повернул чуть голову, поучительно вздохнув.

— Что, страшно А ты не отставай...

И они отправились дальше. Местность вокруг начала светлеть, видно приближалось то, что здесь называли утром. В сумерках стали проявляться отдельные предметы, делаясь с каждой минутой все отчетливой.

Сергей убедился, что пустырь действительно пуст, как яичная скорлупа. Потрескавшаяся корка, напоминавшая битые черепки, без никаких даже намеков на наличие жизни. Из этих черепков, казалось, выложена безвкусная жуткая мозаика смерти. А предметами, нарушавшими тоскливое однообразие, являлись лишь огромные, как жернова, валуны да еще, о, ужас, человеческие скелеты. Много скелетов. Там и сям среди серо-бурой однотонности белели кости. И где-то в этой пустоши водились бесы. Хм, вот тебе и «тихий омут». Вспомнив события, произошедшие совсем недавно, Сергей обратился, нахмурившись, к проводнику

— Святой отец, скажи мне, что такое Рэма?

Проводник, продолжая путь, слегка повернул голову.

— Никто не свят, только Сам Бог. И никого не называй отцом, кроме Отца Небесного. Обращайся ко мне наставник или, просто, проводник.

Сергей задумался, где-то он это уже слышал. А наставник продолжал:
— А Рэма это — то же, что время «Ч». Миг исполнения, момент истины, мгновение, в которое говорят «Совершилось».

Сергей вновь принялся рассматривать тату на своей ладони, что с первыми проблесками света стало само излучаться.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — заметил знаток дороги, — Да, то, что у тебя в руке, лучше всякого оружия. Но в нашем пути тебе пригодится вот это, — и он, все так же не оборачиваясь полностью, протянул путнику длинный сверток в льняной ткани.

Ткань сползла, и Сергей ахнул. В его руках были ножны изумительной работы с алмазной отделкой, из которых торчала рукоять с фигурным эфесом. С тончайшим звоном сталь покинула свой чехол, и Сергей залюбовался оружием. Меч был классической формы, с клинообразным лезвием. Обоюдоострый, с правкой и желобком кровостека строго посередине. Длинной меч был в руку и прекрасно сбалансирован. Сперва Сергей принял это за игру воображения, но лезвие словно пульсировало изнутри золотым светом. Он, играя, сделал несколько взмахов и даже не почувствовал тяжести меча. Тут ему снова показалось. Нет, не показалось! Для убедительности он даже прикрыл лезвие куском материи, в которую до этого были завернуты ножны, и его последние сомнения развеялись. Меч, действительно, излучал слабый свет.

— Что это? — вырвалось у Сергея, — Чудо?

Проводник ответил неопределенно:

— Вопрос риторический. Все зависит от того, относительно чего, то или иное является тем или другим.

— Ну, это понятно, — кивнул Сергей, — Эйнштейн, теория относительности. Но почему..

Он не успел закончить фразы, потому что ответ наставника его опередил:

— Лезвие начинает светиться с приближением опасности. Когда-то этот меч принадлежал Окаяну Дуге. Поэтому он узнает все, что исходит от его бывшего владельца. Теперь им владеешь ты, и он будет служить тебе на славу. Обмотайся, как поясом, льняной тканью и носи оружие за поясом. Его невозможно, ни потерять, ни украсть. Завладеть им можно, только выбив его из твоих рук. Или же, если ты сам отдашь его в другие руки. Помни об этом.

Сергей сделал, как было велено, и поблагодарил:

— Спасибо, наставник.

Между тем, уже почти совсем рассвело, когда дорога привела их к водному пространству, затянутому тиной. Только теперь Сергей обратил

внимание, что все это время они шли по дороге, мощенной идеально ровными булыжниками. Проводник, словно имея глаза на затылке и обладая способностью читать мысли, равнодушным тоном заметил:

— Это — не булыжник, но тебе пока лучше не знать, что это такое.

Страшная догадка мелькнула в голове Сергея, но в этот момент его внимание привлекло бульканье. Дорога уходила прямо в воду, теряясь в сплошном ковре из ряски. Дальше, на несколько сотен метров простиралась шероховатая поверхность болота. Кое-где из трясины торчали островки, густо поросшие бурыми мхами. Ни птиц, ни лягушек, ни даже насекомых видно не было. Болото оказалось ненамного менее мертвым, чем пустыня. Гора проводников находилась в окружении какой-то некро-местности. В прочем, на то они и были проводники, чтобы выводить из мертвой зоны заблудившихся. Небо светилось все сильнее, и Сергей уже различил за болотом, на кромке противоположного берега, темнеющий контур леса. Да уж, одно другого не лучше. Он отчетливо запомнил ту тварь, что прыгнула на дорогу; а сколько таких демоно-уродов бродит в лесной чаще Брр...Он поежился, а проводник хладнокровно заметил:

— Я же сказал, ничего не бойся. Главное, не отставай.

Сергей не заметил, откуда появился плот. Обратил внимание на этот немудреный транспорт, когда плавсредство уже причалило к берегу; прямо к ногам проводника. На плоту лежали два деревянных шеста метра по четыре длиной. Не говоря ни слова, наставник ступил на, связанные между собой, бревна, знаком предложив спутнику последовать его примеру. Сергей сразу выбрал одну из жердей, другую взял проводник.

Став по обе стороны плота, они без лишних слов отчалили и двинулись в путь, упираясь шестами в твердое дно болота. Твердым оно было лишь там, где под ним пролегалла дорога, поэтому было очень важно следовать строго по ней. И не только по этой причине, как выяснилось позже. Когда шест соскальзывал в вязкий ил, значит, плот отклонялся, и «гребцы» спешили вернуть его на прежний правильный маршрут.

Сергей с любопытством смотрел по сторонам, замечая непонятное явление. Берег, от которого они отплыли, довольно быстро удалялся; а вот противоположный — приближаться ни за что не хотел. Болото, словно увеличивалось, по мере их продвижения в его владения. Проводник сразу проконстатировал, характерно не оглядываясь:

— Вот то, о чем я говорил. Мы должны обогнать болото, иначе застрянем здесь надолго.

Сергей угрюмо посмотрел вдаль:

— Страна смерти, как я понял, неохотно отпускает от себя живых.

— А порой не отпускает вовсе, — проводник кивнул куда-то в сторону, и Сергей только теперь обратил внимание на странные шарообразные предметы, всплывающие на поверхность с фонтанчиками из пузырьков.

Это они так отвратительно булькали. Все залитые грязью и опутанные тиной, они были похожи на гниющие арбузы, плавающие в открытой клоаке. У Сергея волосы приподнялись над головой, когда на одном из «бугорков», в проеме гибких стеблей с бахромой он увидел...глаз. О, Небо! Сергея так и передернуло, а проводник, как ни в чем не бывало, объяснил:

— Те, кого ночь заставляла на плаву, сбивались с дороги, и их сносило в топь. Здесь очень коварные подводные течения...

— А потом — поинтересовался Сергей, видя, что проводник замолчал, — Почему они не вернулись на дорогу?

Вместо ответа, тот достал из-за пазухи платок, скомкал его и, размахнувшись, швырнул подальше от плота. Ткань еще не долетела до воды, как с брызгами и хлопанием из пучины высунулось десятка полтора почерневших рук со скрюченными пальцами, схватили платок и растерзали в воздухе на части, утащив останки на дно. Вот так!

— Они и сейчас следят за нами, — бросил проводник, монотонно работая шестом, — И ждут момента.

Сергей почувствовал, как отвращение заставило его кожу покрыться пупырышками. И, стараясь не отставать от наставника, он заработал своим шестом с новой силой. Это стало его ошибкой.

— Остынь, прыть поубавь, — прикрикнул на него проводник, но плот, резко вильнув, одним углом сразу метра на три ушел в сторону с дороги. И тут же на краях связки из бревен возникли, вылезшие из-под ряски, костлявые пальцы с длиннющими загнутыми ногтями. За ними появились и головы утопленников, вблизи не оставляя места сомнениям. Сергей отчетливо видел перед собой мутные глазные яблоки, затянутые катарактами, черные гнилые зубы, щеки, изъеденные плесенью, и ввалившиеся носы.

Размахнувшись шестом, словно дубинкой, Сергей опустил его на первый попавшийся череп. Кость треснула, провалившись внутрь, будто трухлявая доска. Однако, зомби это не остановило. Ведь убить еще раз то, что уже мертво, невозможно. Наставник поступал умнее. Он сталкивал шестом десницы нападавших, время от времени погружая шест в воду и упираясь в илистое дно с намерением вернуть плот на дорогу. Не тут-то было! Твари из болота тащили плот в обратную сторону. Сергей крикнул проводнику:

— Сталкивай их один, я буду грести.

Тот в ответ покачал головой:

— Давай попробуем грести вместе. Оказавшись над дорогой, они опадут сами. Дорога для них — запретная территория.

И тут Сергей почувствовал жгучую боль в левом бедре. Посмотрел, и его осенило. Это чудесный меч за его поясом раскалился настолько, что обжег его сквозь ножны. Вот оно, в чем дело! Выхватив оружие, он даже прищурился от ослепительного света. Над плотом, словно, засияла живая молния. Зомби были лишены, каких бы то ни было, чувств, и страх им был не введом. Они продолжали лезть на бревна, обуянные единственной целью, — схватить свою добычу и увлечь в топь. Высосать из нее жизнь и сделать такими же упырями. Вот один из утопленников по пояс взобрался на плот, и Сергей, не задумываясь ни на миг, обрушил пылающее лезвие на его шею. Меч прошел сквозь разлагающуюся плоть, как сквозь масло. Но чудо! Торс и отрубленная башка зомби вдруг покрылись паутиной огненных змеящихся трещин, вспыхнули изнутри и лопнули, словно гриб — дождевик с созревшими спорами, рассыпавшись прахом по болотной жиже.

— Да! — воскликнул Сергей в восторге и принялся рубить направо и налево. По рукам, головам, плечам, спинам, по чем придется. Утопленники, лопаясь и вспыхивая, рассыпались, будто песчаные големы, даже если меч наносил им хотя бы поверхностную неглубокую рану. Сергей воевал с нечистью, а проводник в это время пытался справиться с управлением. Плот почти вышел на дорогу, когда снизу его потряс удар, отбросив сразу в обратную сторону. Что за бестия! Упыри вряд ли отличались сообразительностью, но некто, по видимому, управлял их действиями, заставив переменить тактику. Если наверху плот оказался неприступным, они перенесли свои действия под воду, толкая его снизу. Проводник продолжал бороться с помощью шеста, тем не менее, плот все удалялся от дороги. А тут Сергей еще и уловил скрежещущие звуки, доносившиеся снизу. Не стоило долго ломать голову, чтобы догадаться, что это проклятая нежить грызет веревки, связывающие бревна воедино. Проводник все молчал, и Сергей сперва растерялся. Помогите, Господи! Его глаза забегали по сторонам в поисках выхода из положения. Оптимальным нашелся лишь один выход. Сергей тронул проводника за плечо:

— Наставник! Зомби точно не могут пересекать границы дороги?

— Это для них — запретная зона, — скрупулезно повторил тот.

— Тогда еще один вопрос, — прищурился Сергей, — Ты умеешь плавать?

— Что ты задумал — повернулось к нему лицо, по-прежнему невидимое в балахоне.

Сергей указал в сторону спасительной межи:

— Прыгаем, пока нас не оттащили еще дальше! До берега доберемся вплавь.

— Освободи одно бревно! — моментально сориентировался наставник, и Сергей двумя взмахами меча перерубил крайние веревки.

Вдвоем они выволокли бревно из воды и, не договариваясь, одним махом бросили его к дороге. А следом, словно два прыгуна с шестом, упираясь в дно, синхронно оттолкнулись от шаткой опоры, разваливающейся прямо под ногами, взвившись в воздух. Миг, и два тела шумно плюхнулись в воду, подымая фонтаны брызг.

Бревно плавало рядом, они ухватились за него, не бросая и шесты, которые помогут им продолжать путь.

Перед прыжком, Сергей вложил меч в ножны; теперь раскаленный металл шипел в воде. Едва поверхность болота успокоилась, справа и слева показались сотни рук, сжимавших в воздухе узловатые пальцы. Они как бы ограничивали владения смерти, не в силах преступить через запрет. Там, где находился плот, теперь расплывались в стороны отдельные бревна. А беглецы, толкая свое бревно впереди себя, отталкивались жердями и плыли дальше. Правда, теперь они продолжали путь по грудь в воде, но задора от этого не уменьшилось. Как всегда бывает, после пережитого кошмара, обостряется чувство юмора. Сергей, переглянувшись с проводником, захохотал:

— Ни хрена себе вступление! Легкая разминка!..

— Представляю их досаду, — сдержанным смехом ответил проводник, — Проводников им топить еще не доводилось, — и в сторону зомби, — Что, сожрали...

Сергей увидел, всплывшую поблизости, морду и откровенно показал ей кукиш:

— На, выкуси, образина чертова! — и рассмеялся еще заразительней, когда нелюдь клацнул зубами в воздухе.

Пока длилась короткая битва на болоте, противоположный берег непонятным образом заметно приблизился.

Теперь до него было рукой подать. Не прошло и четверти часа, как под ногами почувствовалась твердая опора; путники, оттолкнув, ставшее больше не нужным, бревно, выбрались на долгожданную сушу.

Отглянувшись на болото, Сергей погрозил ему кулаком; затем, взмахнув над головой шестом, запустил его в самую гущу рук и голов,

что продолжали смотреть им вслед. Хотел поступить таким же образом и с жердью проводника, но тот отрицательно покачал головой:

— Я потерял свой посох, бросив на плоту. Дай-ка меч.

Перерубив шест пополам, одну часть оставил себе, другую, вместе с мечем, вернул Сергею:

— Пригодится, путь еще очень далек. Но сперва нам следует развести огонь, обсохнуть и отдохнуть. А после поищем себе место для ночлега.

— Но ведь день только начался, — изумился Сергей.

— А ты думаешь, ночлег найти так быстро — вопросом ответил проводник.

Сергей только вздохнул, пожал плечами и пошел собирать хворост и сухие сучья для костра...

...Сегодня я наблюдал за пасущимися баранами. Сколько уверенного спокойствия в неменяющемся выражении их чванливой морды. Недаром вид этих винторогих красавцев издавна символизировал стабильность, непреклонность и упорство. Изваяньем бараньей головы еще древние греки украшали носы своих кораблей.

Пара кастратов, пасущихся на лужайках больничного двора, могла бы считать себя особенно счастливой.

Ведь эти бараны — доноры, и их никогда не постигнет участь собратьев стада, которых нам привычнее видеть в качестве шашлыка. Только, разве знают они об этом И разве могут оценить по достоинству незаурядную долю, выпавшую им Какое им дело до того, что им, одним из миллионов, выпало редчайшее право умереть своей смертью. Да и что им известно о смерти, если они даже не воспринимают собственное «я» иначе, чем как единственную форму порядка вещей. В прочем, и эта формулировка далека от их восприятия мира. Они просто живут, не понимая, что живут. Это мы, мыслящие твари Создателя Космоса, приписываем братьям меньшим качества, характерные и присущие нам. Однажды биологическая смерть сравняет наши тела. Отличие лишь в том, что мы умираем осмысленно, а они всегда пребывают в счастливом неведении. И, если судить философски, то это — единственное определение разума. Мы знаем, что умрем, а они — нет. Но счастливо ли их неведение Ведь, в отличие от них, я знаю не только, что умру. Я знаю еще и то, зачем живу...

...Проводник не велел сворачивать с дороги, что продолжалась через весь лес, которому не было видно ни конца, ни краю. Деревья здесь стояли огромные невероятно! Высотой, как секвойя, в три обхвата, с корявыми изогнутыми сучьями, покрытыми редкой темно-синей листвой. Тишь в лесу стояла необыкновенная.

Да иначе и быть не могло, поскольку сам лес тоже был необыкновенным. Дорога, стелясь ровной, как натянутая струна, лентой, уводила в бесконечную даль. Может, так оно и было на самом деле. Конец — понятие, весьма, относительное, если он сам по себе является началом чего-то. Проводник оказался прав; идти, опираясь на обрубок шеста, как на посох, было куда удобней. Дышалось легко; в сердце еще теплилась радость пережитого спасения. Сергей глядел то по сторонам, то под ноги, время от времени поднимая глаза к небу, светлая лишь полоска которого проявлялась в сходящихся над головой великанских кронах. Тишина одновременно и настораживала, и убаюкивала. В прочем, Сергей был уже твердо уверен, что на дороге он может чувствовать себя вполне безопасно. Неожиданно стал приближаться гул откуда-то со стороны, из самой чаши враждебного леса. Гул стремительно накатился, как морская волна, неся с собой шорох и треск сучьев. Так прокатывается по зарослям шквал бурелома, и Сергей мог бы впрямь принять это нечто за ветер, если бы шум не сопровождался потоками багрового света, бьющего сквозь прорехи среди деревьев. Будто гигантский светящийся шар с рокотом прокатился вдоль дороги по чаще и исчез далеко впереди, обогнав путников. Вместо традиционного «что это было», Сергей задал вопрос уже с выраженной догадкой:

— Кто-то из обитателей леса, наставник?

Тот ответил, как обычно, не поворачивая головы, к чему Сергей уже привык. Что ж, он здешний, ему видней. Нечего лезть со своим уставом в чужой монастырь.

— Хорошо, что ты рассуждаешь, — сказал проводник, уверенно держа шаг, не меняя ритма, — Можно сказать и так. Но обитатель ли просто. Скорее сам хозяин.

— Кто же хозяин мертвых мест, если не сама смерть? — насторожился Сергей.

— Это ты мудро сказал, — в тоне наставника послышалось одобрение, — Видишь ли, как ты сам заметил, смерть неохотно отпускает своих пленников.

Сергей встряхнул головой, задумчиво сдвинув брови

— Скажи, наставник, почему ты всегда говоришь намеками и загадками. Нельзя ли дать конкретный ответ на конкретный вопрос:

— Но ты же сам ответил, кто это был. Зачем тогда спрашивать
Для подтверждения собственной

рассудительности Тогда это либо сомнения в себе, либо желание,
чтоб тебя похвалили. То и другое плохо.

Ищи хорошее, тогда и найдешь то, что ищешь.

Ах, — вздохнул Сергей с досадой, опять промах. Сколько же мудрости
в этом учителе, если он всегда так умело одерживает верх. Вслух он
заметил:

— Слава Богу, что мы на твердой земле, где существам из болота нас
не достать.

Наставник рассудительно вздохнул:

— А вот подумай над простым вопросом, — по интонации казалось,
что он хитро улыбается, — Что лучше?

Быть на катере в океане, когда рядом кружит голодная акула,
или на танке в открытом поле, когда вокруг бродит лев — людоед
Но при одном условии, ни у катера, ни у танка двигатель не работает.

Подсознательно Сергей склонялся к тому варианту, который сходу
казался менее приемлемым. Он думал почти минуту, после чего усмех-
нулся:

— А ты прав, наставник, — снова усмехнулся, восхищенно мотнув
головой, — На катере больше шансов спастись, хотя бы по той причине,
что море, рано или поздно, возвращает все предметы на берег. К тому
же, на катере можно найти средства поставить парус или, по крайней
мере, грести веслом. На суше же, внутри танка шансов практически
нет. Лев может ждать снаружи, хоть, целую вечность. Получается,
враждебная человеку среда может оказаться менее враждебной, чем
привычная родная среда его существования.

— Да, но может случиться и наоборот, — продолжал рассуждения
проводник, — Что если в танке ты найдешь способ прогнать или даже
одолеть зверя? Ведь у человека с ножом или с ломом в руках все же
имеется один шанс из тысячи победить льва.

— Все верно, учитель, — задумался Сергей, — Тогда, в чем же
смысл?

Ответ на этот вопрос был написан у проводника на лице, невидимом
под балахоном. Однако, он оставался в своем репертуаре:

— Знаешь, в чем суть самой мудрости В том, чтобы дать ответы на все
вопросы. Даже на те, на которые ответов не существует. Выслушай
одну притчу...Некий юноша пришел к великому мудрецу и попросил
научить его мудрости. На это великий мудрец ответил, что охотно
возьмет его в ученики, только в уплату за это тот должен принести

ему черного зайца. Юноша с радостью отправился на поиски. Пришел так же и другой, ровесник первого, попросив о том же. И ему мудрец велел сделать то же самое. Юноша же только рассмеялся и сказал «Я ошибся. Мне не нужен такой учитель. Ведь, если бы ты был великим мудрецом, то знал бы, что в природе не бывает черных зайцев». Как считаешь, кто из двух юношей постиг науку? И правда ли, что тот мудрец был великим?

Сергей рассмеялся, покачав головой:

— Наставник, я сознаю, что глуп, но не настолько, чтобы попасться на первый же крючок. По-настоящему постиг науку тот, кто отправился искать зайца. Потому что в поисках несуществующего он, наверняка, обошел весь мир и постиг много мудрости. Что же касается второго, он был достаточно умен по-своему уже когда пришел проситься в ученики. А мудрец был и впрямь великим, потому что сумел научить и глупого, и умного.

Наставник впервые посмотрел на Сергея, и тот даже увидел блеск его глаз из полутьмы балахона:

— А как бы поступил ты?

Сергей загадочно хмыкнул:

— Честно Я бы вымазал зайца сажей и привел мудрецу факт, что в его условии не было оговорки о том, чтобы найденный мною черный заяц был от рождения изначально черным.

Проводник откровенно расхохотался, и в его голосе промелькнула уважительная нота:

— Ты выйдешь из потока, странник! Если и впредь будешь внимателен и рассудителен, прислушиваясь к моим словам.

Еще трижды повторялся перекатывающийся гул по лесу, и бегущие лучи мелькали над дорогой, просвечиваясь сквозь заросли. Невидимый псевдо-шар прошел по маршруту туда и обратно вдоль запретной межи, но по обе ее стороны. Он словно выслеживал путников, рассчитывая возможность и место, где получит шанс напасть.

Если получит, конечно. В беседе Сергей не заметил, как они преодолели значительную часть пути, но лес не кончался, хотя местами поредел. Зато Сергей заметил, что сзади надвигалась темнота. Это кончался местный день. Заметил Сергей и еще одну деталь, но не стал ничего говорить проводнику, поскольку тот не любил глупых вопросов. Ни у Сергея, ни у проводника, ни у каких-либо предметов здесь не было собственной тени. Что ж, они находились в целом мире смертной тени, где нет света жизни. А без света тени не бывает, поскольку тень — его неотъемлемая часть. Когда Сергей размышлял на такие темы, он чув-

ствовал, что проводник улыбается. Ведь таинственный сталкер умел читать мысли или мог логически предугадать ход его мыслей. Но вот сумрак застлал уже половину небосвода, и проводник заторопился, указывая вперед:

— Мы успеваем, но могли бы прибыть и раньше. А поскольку потеряли много времени на болоте, придется остановиться на ночлег без ужина.

Сергей увидел прямо по курсу полуразрушенные постройки. Они начинались вдоль дороги поодиночке, дальше группировались в целые секторы, а еще дальше показался целый поселок, где горели одинокие редкие огни.

Сердце Сергея радостно заколотилось; наконец-то они встретят людей. Правда, те домики, что пока попадались им на глаза, были пустыми и брошенными на произвол судьбы. Провалившиеся черепичные крыши, полуразрушенные углы, перекошенные стены, пустые оконные блоки, создающие жуткую ассоциацию с черными впадинами глазниц, дверные проемы без дверей. Кое-где еще сохранились участки заборов, а в одном месте висела только калитка на двух столбах, но не было никакой ограды. Стоял запах сырости, глины, пыли, плесени. Смерд запустения. Сергей хотел спросить, но проводник, как всегда, опередил его ответом:

— Это — поселок Медного Коня. Раньше он был многолюден; здесь жили кузнецы и ремесленники по металлу.

Плавили медь, варили бронзу, создавая удивительно прекрасные вещи. Пока они исправно платили дань царю, соблюдая законы, царские солдаты охраняли поселок от сил лесной тьмы. Лес не смел вмешиваться.

Потом сюда проникли лазутчики — провокаторы Окаяна Дуги, стали подрывать дисциплину, спаивать рабочих, сеять лень, неповиновение и дерзость. Обезумевшие жители Медного Коня взбунтовались и прогнали солдат, которые их защищали. Теперь здесь царит хаос и безлад. Днем в поселке относительно безопасно, а ночью здесь властвует зло. Поэтому на улицу выходить нельзя. Переночуем мы спокойно, но еду раздобыть можно только в поселке, а дойти до него у нас уже нет возможности.

— Но, учитель, — обратился Сергей, — Мы ведь можем продолжать путь до самого поселка и в сумерках.

— В том то все и дело, что нет, — вздохнул проводник, — Между Светом и Тьмой установлен договор. Днем дорога наша, а ночью нечисть может свободно гулять по ней. Поэтому я и спешил найти ночлег;

причем такой, в котором будут целыми окна и двери. Зло способно проникать всюду, куда проникает тьма, так что спать будем при свете.

— Теперь понятно, — кивнул Сергей и подумал о свечах или о факеле.

— Это не нужно, — заявил проводник, — Твой меч будет сиять так, что от его света не помогут даже опущенные веки.

Они обошли несколько руин пока не обнаружили то, что оптимально соответствовало их требованиям. Рядом с дорогой стоял приземистый особняк, крытый вошными досками. Забор напрочь отсутствовал; в том месте, где когда-то находились ворота, оставив после себя лишь столб с ржавыми навесами, находилась статуя коня, вставшего на дыбы. Из потемневшей меди и в полную величину! Наверное, в прежние, добрые для поселка, времена этот конь символизировал при дороге населенный пункт, через который пролегал маршрут путников. Двери в особняке сохранились; правда, без замка и щеколды, но при необходимости их можно было бы и подпереть изнутри. В окнах частично отсутствовали стекла, зато они запирались ставнями. А еще в доме был разрушен один из углов, но, войдя внутрь, путники выяснили, что комната с повреждением стоит обособленно, и ее можно просто закрыть дверью, тоже подперев. Таким образом, в их распоряжении имелась гостиная с остатками рухляди и кухня смежная с верандой. В веранде стекла уцелели, хотя не было ставней. Однако проводник, «напутствуя на сон грядущий», не советовал туда выходить. Так сказать, от греха подальше. Воткнув светящийся меч прямо в пол посередине, Сергей прилег с одной его стороны, проводник с другой. Спать приходилось на полу, подложив под голову, найденное тут же, тряпье, скомканное в узлы. Проводник, никогда ничем не выводимый из равновесия, безмятежно уснул, едва его голова коснулась импровизированной подушки. Сергей же совсем не хотел спать. Его мысли заполняли события минувшего дня. Страшные шарообразные источники рокота и лучей, катавшиеся по лесу; зомби в трясине, рассказы проводника о мудрости и глупости. Так странно, так чудовищно, так нелепо и... так реально! Сергей задумался, пытается вспомнить свое прошлое. Но в памяти сохранились только те события, что начались с пробуждения в белой комнате с Ланой. Он понимал только то, что узнал здесь от здешних обитателей. Здесь — это где Он стал мысленно рассуждать, приводя в порядок то, что находилось в его воспоминаниях и приобретенной информации. Итак, я жил еще где-то и когда-то, но ничего толком не помню из той жизни. Только обрывки эпизодов, которые, как мне кажется, я видел во сне. В той жизни, получается, я умер; и теперь нахожусь...на том свете. Но, Боже Всевышний! Почему я уверен, что просто...проснулся! Я всегда жил

здесь и только здесь. В этом Мире! Станным и непонятным он выглядит для меня лишь потому, что я очень долго спал и потерял память. Но Лана обещала, что память ко мне обязательно вернется. К Линде, ведь, вернулась. Она же знала, что разбилась в авиакатастрофе, и что находится в коме в клинике какого-то Краснодара. В прочем, она уже наверняка покинула реанимацию. При упоминании этого слова Сергей вздрогнул. Что-то до боли знакомое припомнилось ему, но что снова дежавю. Он посмотрел на спящего проводника и полез в карман, надеясь найти там сигареты. Да, как ни удивительно, но они были там и даже несколько не промокли. Когда они с проводником сушились возле костра, разведенного кстати при помощи пылающего меча, то одежду не снимали, и у Сергея не было повода проверять содержимое своих карманов. Прикурив сигарету от накалившегося лезвия, Сергей вышел в другую комнату. Проводник то некурящий; нечего травить его дымом. В кухне все было тихо и спокойно. Лишь в щель между ставнями проникал легкий сквознячок. Правда, запах гнили, приносимый им снаружи, был омерзителен, но Сергей никогда не отличался брезгливостью. К тому же запах табачного дыма частично заглушал смрад разложения. И тут Сергей впервые почувствовал голод. Что-то повлекло его в веранду, где не было ставней, и оттуда через окно был виден в сумерках сад. Вау! У него так и засосало под ложечкой. В саду росла груша, полная сочных налитых плодов. Да таких, что прямо просились, чтобы съесть их. Спелые, розовобокие, медовые. У Сергея потекли слюнки. Он посмотрел вокруг. Сад был спокоен и светел, словно в лунную — лунную ночь. Все в серебре, ни ветерка, не дрогнет и листок. Только сверчков не хватает да звезд на небе. Тишина и ни души вокруг. Хотя нет. Издалека, из поселка долетала музыка. Видимо, там кутили бывшие мастера, превратившиеся в законченных алкоголиков. Сергей задумался.

А может, стоит попробовать. Да и проводник будет рад, когда он преподнесет ему целую кучу этих чудесных медовых груш. Раздавлив оуток об угол полуразваленной дровяной печи, он решил. Тихо отодвинул бревно, подпиравшее двери, приоткрыл створку и выглянул наружу. Во дворе тишь; на фоне «оловянного» небосвода вырисовывается силуэт конской статуи. А тут Сергей увидел еще и виноград, оплетающий прутья решетки перед садом. С нее тоже манили крупные гроздья. Голод победил сомнения, и Сергей покинул дом.

Дорожка провела его под аркой, увитой виноградом, но Сергей пока проигнорировал гроздья, соблазненный грушами. К тому же они находились ближе к дому, и было рациональней сорвать несколько кистей

на обратном пути. В огороде бурьян и запустение. Продираясь сквозь кусты сорняков в половину своего роста высотой, Сергей наконец достиг заветного дерева. Протянул руку к плодам и тут услышал собачье повизгивание. Оглянулся. Возле кучи глины, оставшейся, наверное, еще от прежних строителей этого дома, скулил щенок. Заметив человека, он добродушно завилял хвостом и привстал на задние лапы. Тот улыбнулся, пожалев брошенное заблудившееся животное, но тут же вспомнил инцидент с кошкой, которую попытался погладить. Благодаря тому порыву умиления, он и очутился в потоке. Э, нет, дьявольское отродье! Сергей сорвал первую попавшуюся грушу и хотел запустить ее в щенка, но груша вдруг лопнула в его пальцах болотной гнилью, и Сергея осенила догадка, откуда берется смрад разложения. Он выругался, устремившись обратно к дому; и тут земля под ним зашевелилась, но не так, как в землетрясение. А так, будто под слоем грунта находилась жидкость. Он ощутил себя, как на гидро-матрасе. Каждый шаг раскачивал поверхность, и вдруг целые ее участки за спиной стали проваливаться вглубь, а оттуда с хлопаньем вырывались пузыри смердящей жижи. В такую яму булькнул и щенок, и груша с гнилыми плодами, а следом и медный конь с другой стороны двора. Отовсюду так и слышалось бульк, бульк...Провалы за провалами постепенно соединялись, и вот уже за Сергеем полукругом раскинулась трясина, стараясь обогнать его и поглотить. Болото гналось за ним! Это оно преследовало их на протяжении всего пути!

Перепрыгивая через ямы, возникавшие прямо перед ним, будто мерзкие рты гигантских пиявок, Сергей домчался до двора и одним махом покорила расстояние до дверей. Оттуда появился свет, и с ним едва не столкнулся проводник, вылетевший с сияющим мечем в руке. Без лишних слов он схватил Сергея и поволок к несуществующей калитке, мимо исчезнувшего в трясине коня.

— На дорогу! Быстро! — только и выговорил он.

А у них за спиной уже утонул, отвалившись от остова, целый угол особняка, увлекая за собой перекосившуюся стену. Затрещали балки перекрытий, затарахтела осыпающаяся штукатурка, и еще одна стена грохнулась в распахнувшуюся под ней топь, подняв фонтан брызг. Сергей и проводник находились уже на дороге, бежав бок о бок. Проводник все так же тащил его, держа за рукав. Они направлялись в поселок, и после нескольких минут панического темпа, оказались на освещенной улице среди, более-менее, нормально выглядящих домов. Тряска под ногами прекратилась, и они наконец перешли на ровный шаг. Только теперь Сергей осмотрелся. Разбитые фонари,

поваленные ограды, столбы, словно вырванные ураганом, и множество полуразрушенных барачков. Лишь вокруг центра все еще продолжалась жизнь. В нескольких особняках горел свет, а в публичном заведении за ржавым забором играла музыка. Это ее слышал Сергей прежде. Они вошли в ворота, и проводник с укором кивнул на Сергея:

— Ну что ты опять натворил! Я уже дважды спасаю тебя от твоей же собственной глупости!

— Прости, наставник, — пролепетал тот, опустив глаза, — Я хотел принести еду..

— Ах, какой умница, — сказал проводник с сарказмом, — Он хотел! Я тебя предупреждаю, что болото никого просто не отпускает! Того, кто хоть раз окунулся в его трясины, оно будет преследовать бесконечно!

Один неверный шаг и тебе конец...

— Но я же хотел, как лучше...

— Не оправдывайся! Этот промах еще хуже, нежели уже совершенный. Знаешь, куда выстелена дорога благими намерениями Знаешь, что инициатива наказуема А знаешь ли, какой был первородный грех Да, именно!

Непослушание!.. — И, больше не говоря ни слова, проводник, сопровождаемый Сергеем, направился в забегаловку. Что ж, по крайней мере, хоть поужинаем, — подумал Сергей, — Может быть...

...Сегодня у меня отвратительное настроение с самого утра. Может, это действует убывающая Луна, не знаю.

Но я вдруг осознал, что ненавижу людей. Нонсенс! Ведь я всегда являлся патриотом, по крайней мере, Человечества в целом. Я восхищался человеком, как таковым, потому что видел в нем Образ и Подобие.

Наверное, меня окружают те, кто эти качества первородства Сущего, попросту, утратил. Променил, как Исав на чечевичную похлебку. Вчера вечером все началось с того, что один наркоман со своей подружкой предложили мне купить велосипед; краденый, разумеется. Это, как говорится, и козе понятно. Мне-то, в прочем, все равно, поскольку велосипед мне уже вряд ли когда-нибудь понадобится. Вот я и ответил зачем он мне А подружка наркомана пренебрежительно заявила ему, кивая в мою сторону «Кому ты предлагаешь Он же ходячий труп». И они отправились спихнуть вещь еще кому-нибудь, ведь им была необходима доза. А я подумал, что это они — уже давно и навсегда мертвы, только еще не догадываются об этом. А потом к нам, в онкологию, пришел

проповедник местных Евангелистов и долго рассказывал о милости Божьей, покаянии и спасении души. Когда же, после проповеди, я подошел к нему и попросил взаймы немного денег, чтобы по-человечески поесть последний раз прежде, чем умру, ведь в нишей больнице такая же и кухня, он мне ответил голосом ягнечка, святошески закатив глаза под лоб:

— Не хлебом единым жив человек...

— Но так же салом, мясом, колбасой, яйцами, рыбой, картошкой и так далее, — прервал я его, развернулся и ушел.

На Земле нет больше святости. Правда кончилась, раз уж Богу не служит ни одна Его церковь.

По-человечески то я его (проповедника) прекрасно понял. Логика проста во-первых, — если я умру, то кто же вернет ему долг А во-вторых, — зачем тратиться на меня, если я все равно обречен Господи, доколе же Ты будешь молчать Где истина, где справедливость, где Образ и Подобие Почему Ты молчишь Или Любовь заключается только в утолении похоти А «троица» этой «любви» есть секс, страсть и половой акт! О, проклятый Мир! И проклятое Человечество! С какой бы радостью я нажал на кнопку запуска тысяч атомных ракет во все части Света — одновременно!!! И сегодня я впервые в жизни усомнился неужели Вечность — это лишь счастливая сказка, придуманная, чтобы не страшно было умирать...

Публикуется в ознакомительных целях
по согласованию с автором.

Не для продажи!

Все права защищены!

Перепечатка только с согласия автора.

По вопросам приобретения, распространения,
спонсорского участия и издания книги обращайтесь
в Частное издательство «Золотое сечение».

www.zs-izdat.ru

info@zs-izdat.ru

8 (962) 949-83-96